

ЛЮБИМЕЦ ПУБЛИКИ

Мы встретились в пражском Доме советской культуры и науки, в небольшой уютной комнатке, которую здесь называют «У самовара». Тут действительно стоит большой тульский самовар, сохранившийся бог весть с каких времен.

Он пришел бодрый, жизнерадостный, как будто и не было вчерашнего его концерта, затянувшегося далеко за полночь, на котором бушевали поклонники и поклонники, долго не отпускавшие со сцены знаменитого чехословацкого певца.

Карел Готт давно уже полюбился советским людям, ему бурно аплодировали в братских социалистических странах, в Америке, Англии, Западной Германии, Голландии, во многих других больших и малых государствах. Красивый, сильный голос, поразительная артистичность, своеобразная, ни на кого не похожая манера исполнения — все это, вместе взятое, принесло Готту мировую известность. Одинадцать раз завоевывал он титул «Золотого соловья» — высшее звание певца в Чехословакии, общий тираж его пластинок приблизился к пятидесяти миллионам, а количество магнитофонных записей уже и не поддается статистике.

— Карел, почему вы не стали оперным певцом, ведь за вашими плечами пять лет Пражской консерватории?

— Сложный вопрос. Но попробую ответить. Моим учителем в консерватории был певец Пражской оперы и один из лучших, кстати сказать, исполнителей вагнеровского «Лоэнгрина»... Однажды вызвал меня к себе: «Знаешь, Карел, дам я тебе на первый взгляд странный совет: бросай-ка ты, друг мой, оперу и иди на эстраду. Нет, не думай, ты хороший тенор, но оперная сцена не для твоего темперамента. Ты засохнешь на ней...»

— И вы послушались совета?

— У нас говорят, что, услышав совет, надо день подумать и потом сделать наоборот. Но то, что сказал старый учитель, в общем-то совпадало с моими тайными и тогда еще не совсем ясными мыслями... Я ведь тоже начал понимать, что опера не для меня. Нет, пожалуйста, не подумайте, что я — новоявленный потрясатель классических основ в музыке, отнюдь нет. Просто эстрада дает, как мне кажется, большие возможности для выявления индивидуальности артиста в искусстве. У эстрадного певца куда более близкие отношения с аудиторией, чем у оперного. Недаром публика часто подпекает любимой песне, хорошо чувствуя не только ритм, но и характер музыкальной фразы. А кому в оперном театре придет в голову «помогать» исполнителю, ну, скажем, в партии Мефистофеля? Такое трудно даже вообразить себе. Хотя основную арию этой партии знает любой интеллигентный человек...

Я бы выделил в эстрадном искусстве одну особенно мне лично дорогую черту. Это большая возможность импровизации. Предположим, я выступаю десять вечеров подряд с одними и теми же песнями — и каждый раз каждую песню исполняю по-разному. Почему? Причин тут много. И я мог бы долго говорить о природе такого явления, как импровизация. Скажу коротко: исполнитель — не музыкальный аппарат в ресторане: бросишь монетку, и зазвучит послушная, раз навсегда записанная мелодия...

— Карел, когда вы начали петь?

— С самого рождения. Только раньше мама шлепала меня за крик, а теперь за это аплодируют... Шучу, конечно, но родители (мама у меня портниха, отец инженер) очень хотели, чтобы я получил «настоящую» профессию. Поэтому, прочувшившись три года в электротехникуме, я продолжил свою производственную карьеру на одном из пражских заводов в ампула контролера по испытаниям электромоторов. И вот тогда-то и запел. Сначала в самодеятельности, потом с профессиональным оркестром в пражском кафе «Влтава». Это были веселые времена. Вставал в пять утра, до вечера работал на заводе, а потом до двух ночи пел в кафе. И, конечно, все получалось не лучшим образом. И контролером я был неважным — глаза слипались от недосыпа,

и певцом тоже... Ну, а потом — консерватория и эстрада.

— Карел, вы много раз были названы «Золотым соловьем» Чехословакии... Но жизнь идет, вырастают новые таланты. Словом, наш следующий вопрос...

— Боюсь ли я оказаться на вторых местах? В принципе — нет. Талант коллеги всегда вызывал у меня не ревность, а чувство восхищения, желание учиться. Сильный соперник — это оселок, на котором править свой профессионализм, это лучшая проверка того, что ты можешь сам. Если же говорить о сегодняшней ситуации, то, к сожалению, для нашего искусства все пока в соревновании эстрадных певцов остается без перемен. За двенадцать последних лет звание «Золотого соловья» я не получил лишь в 1967 году. Но весь тот год я прбыл на гастролях за рубежом и в конкурсе не участвовал... Кстати, и в других странах положение с эстрадными певцами не лучше. Новых имен появляется не так уж много. Ведь что самое главное для эстрадного певца? Нет, это не сила голосовых связок и да-

же не тембр, а своя, неповторимая окраска голоса. Вот, скажем, Клаудио Вилла. Хороший певец. Но и только. Ничего нового с собой он не принес. Иное дело — американский певец Элвис Пресли или битлы — они открыли новый жанр, сказали иное слово...

— Кто вам нравится из наших эстрадных певцов?

— Эдита Пьеха. Это среди певцов. Из певцов... Пожалуй, Магомаев...

— Вы могли бы назвать особенно запомнившийся вам концерт?

— Самые острые воспоминания — это утренние о вчерашнем концерте. Они приходят сразу с пробуждением. В голове прокручивается подробнейшая запись всех исполненных накануне песен. Конечно, повторение, незаметное людям. Для них ты обычный, занятый человек, который куда-то торопится, с кем-то разговаривает, решает какие-то проблемы. На самом деле это все внешний фон, своего рода защитный экран. Пока тебя не отпустит, не перестанет мучить вчерашний вечер, ты еще не включился, не перевернул следующую страницу календаря. Памятные выступления? Они, конечно, есть. Хорошо помню, например, концерт в Киеве. Многотысячная аудитория, до удивительности горячий прием... Никогда не забудется и одно из первых гастрольных выступлений за рубежом. Случилось это двенадцать лет назад в Голландии. Я выступал тогда в составе эстрадного театра

малых форм «Семафор». Так вот, на премьеру нашего представления в каком-то курортном городке пришли всего два зрителя: он и она, видимо, решившие укрыться в театре от нескромных глаз... Однако артисты есть артисты, и мы мужественно исполнили до конца всю программу.

— Карел, мы уже знаем, что тираж ваших пластинок приближается к 50 миллионам. Как он, так сказать, материализуется?

— Наша фирма «Супрафон» выпустила 8 больших и 300 маленьких пластинок, а западногерманская «Полидор» — соответственно 18 и 15. Большею частью это чехословацкие народные и современные песни, широко представлено в моем репертуаре и творчество советских композиторов. Не чужаюсь французской, итальянской и американской эстрадной музыки. На Западе меня считают представителем чисто «славянской школы». И именно наши произведения вызывают интерес у фирм, с которыми сотрудничает «Супрафон». Кстати, некоторых пластинок с первыми записями нет даже у меня самого...

— Можем вам помочь. В одной из пражских газет мы прочитали объявление: «Меняю одного старого Готта фирмы «Супрафон» на двух новых фирмы «Полидор»... Почему бы вам не поступить так же?

— Ну, не такой уж я заядлый коллекционер...

— Наш следующий вопрос, может быть, покажется вам немного странным, но все-таки: какой вид искусства пользуется у вас наибольшей любовью?

— Я бы не сказал, что это странный вопрос. Любой художник одержим своеобразным комплексом. А вдруг что-то удалось бы тебе еще лучше? Сейчас вы дружно рассмеетесь, но мой «комплекс» — Тарзан. Мне бы очень хотелось сыграть эту драму обстоятельств в кино, в мюзикле, конечно, на иной литературной и социальной основе. Кино... Сколько лет я мечтал о нем. И вот недавно мои желания начали сбываться. Скоро на экраны выйдет чехословацкий фильм, где я играю главную роль, — «Звезды падают вверх». Есть и другие приглашения. Думаю принять их. Мне очень понравилась работа с опытными актерами, которые не смотрели на меня сверху вниз, как на «зачаточника» — так у нас называют водителей-новичков. Они приняли меня как равного, и я многое получил от них для своей основной работы на эстраде.

— Ваши ближайшие планы?

— Работы очень много. В моем репертуаре есть песня, которая начинается словами: «Я беззаботно иду по городу». Если бы... Каждое мое утро (кстати, очень раннее и иногда туманное) начинается с обязательных вокальных упражнений. Затем следуют: подготовка новых номеров, совместная работа с авторами песен, репетиции с оркестром, запись, участие в программах телевидения, радио. А вечером концерт. Мне уже — скажем откровенно — не так мало лет, а я еще не успел обзавестись семьей... Друзья шутят: некогда?.. Что касается планов — это подготовка новой программы. В начале лета в СССР будут проходить Дни чехословацкой культуры. Мне предстоит принять участие в этих ответственных выступлениях.

— Можете ли вы назвать наиболее близкого вам художника, так сказать, всех времен и всех народов?

— Выбор достаточно широкий, что и говорить. Но вот вам моментальный ответ: Чайковский, поскольку я музыкант, и Чарльз, поскольку я имею и некоторое отношение к кино. И тот, и другой — каждый, естественно, совершенно по-своему — сказали новое слово в искусстве. Сказали с такой силой, что их имена будут долго храниться в памяти человечества, в сердцах десятков поколений людей, которые сменяют нас.

Л. КОЛОСОВ,
Г. УСТИНОВ.

ПРАГА.